

УДК 164.2

DOI:

10.15372/PS20200402

К.Г. Фролов**РАССЕЛИАНСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ:
ПРОБЛЕМЫ И ЗАТРУДНЕНИЯ***

Основной тезис статьи состоит в том, что расселианский анализ понятия существования не дает значимой экономии онтологии по сравнению с мейнонгианским подходом. Причина этого заключается в неустранимой потребности сохранить возможность нумерического различения разнообразных несуществующих (нереализованных) объектов. Так, например, Шерлок Холмс определенно представляет собой не то же самое, что и самое большое простое число. При этом для того чтобы различить эти два не реализованных в актуальном мире объекта, нам требуется, чтобы было что различать. Именно эта потребность в факторах истинности (truthmakers) для обширного класса истинных высказываний о несуществующих объектах и препятствует нам в достижении более экономной онтологии. В частности, отказ трактовать эти факторы истинности в качестве объектов в пользу их трактовки в качестве нереализованных сочетаний свойств приводит лишь к пересмотру их категориальной принадлежности (с индивидуального уровня мы переводим их на уровень свойств). Однако такие нереализованные наборы свойств сами по себе могут быть рассмотрены в качестве типичных абстрактных объектов, что сводит на нет все усилия по построению более экономной онтологии.

Ключевые слова: существование; теория дескрипций; парадокс несуществующих объектов; Б. Рассел; А. Мейнон;

K.G. Frolov**RUSSELLIAN ANALYSIS OF THE CONCEPT OF EXISTENCE:
PROBLEMS AND DIFFICULTIES**

The main point of the article is that the Russellian analysis of the concept of existence does not provide a significant economy of ontology in comparison with the Meinongian one. The reason lies in the unavoidable need to preserve the possibility of numerical distinguishing between various nonexistent (unrealized) objects. For example, Sherlock Holmes is definitely not the same as the largest prime number. At the same time, in order to distinguish these two objects unrealized in the actual world, we need something which can be distinguished. It is this need for truthmakers for a vast

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00158 «Формальная философия аргументации и комплексная методология поиска и отбора решений спора»).

class of true statements about nonexistent objects that prevents us from obtaining a more economical ontology. In particular, the refusal to treat these truth factors as objects in favor of treating them as unrealized combinations of properties only serves to revise their categorization (we transfer them from the individual level to the level of properties). However, such unrealized combinations of properties themselves can be considered as typical abstract objects, which nullifies all efforts to build a more economical ontology.

Keywords: existence; theory of descriptions; paradox of nonexistent objects; B. Russell; A. Meinong

Основные идеи и преимущества расселовской теории дескрипций, а также тесно связанного с ней анализа логической формы единичных экзистенциальных высказываний хорошо известны отечественному читателю [2; 8]. Результативность такого анализа нередко демонстрируется в качестве образца того, что представляет собой тот «мощный метод, с помощью которого можно сделать философию плодотворной» [5, с. 350]. Однако в свете подобного оптимизма из поля зрения порой выпадает ряд серьезных затруднений [1], с которыми этот анализ сталкивается и которые лишают нас возможности обоснованно утверждать, что полученные Б. Расселом в данной области результаты действительно являют собой пример окончательного разрешения его философского спора с А. Мейнонгом [4]. Соответственно, целью данного исследования являются демонстрация указанных затруднений и, как следствие, восстановление паритета между расселианским и мейнонгианским подходами к понятию существования.

«Я думаю, почти невероятное количество ложной философии вытекает из непонимания того, что означает “существование”», – писал Б. Рассел [6, с. 60]. При этом, по его же мнению, «на многие вопросы, ранее скрытые в тумане метафизики, можно дать точный ответ, и существуют объективные методы, в которых нет ничего от темперамента философа, кроме стремления понять» [5, с. 349]. К числу таких методов относятся логический анализ языка и экспликация логической формы тех или иных положений философских теорий, среди которых особое положение занимают так называемые единичные экзистенциальные высказывания.

Хорошо известно, что Рассел отказывался признавать существование равноправным свойством индивидов наряду с другими типичными свойствами, такими как «быть красным» или «быть сферической формы». Одной из причин подобного неприятия было то обстоятельство, что если мы признаем существование свойством, то окажемся вынужденными признать свойством также и несуществование, поскольку едва ли

возможно усмотреть какую-либо заметную разницу в логической форме таких суждений, как «Ларс фон Триер существует» и «Шерлок Холмс не существует». Если первое из них приписывает своему логическому субъекту обладание неким свойством, то и второе, по мнению Рассела, выполняет ту же функцию, т.е. приписывает Шерлоку Холмсу свойство несуществования. Однако в таком случае из данного высказывания по правилу экзистенциального обобщения можно вывести

$$\neg \text{Существует}(a) / \exists x(\neg \text{Существует}(x)).$$

Соответственно, результат такого вывода в естественном языке может быть проинтерпретирован как «Существует тот, кто не существует», что противоречиво. Собственно, преодоление подобного парадокса, т.е. избегание необходимости признавать, что в мире наличествуют какие-либо несуществующие объекты, и есть одна из задач теории Рассела.

Решение же состоит в следующем. По мнению Рассела, существование является не свойством индивидов, а второпорядковым свойством свойств (характеристикой дескрипций). «Согласно этой теории, может утверждаться только существование описаний. Мы можем сказать: “Автор Веверлея существует”; но сказать: “Скотт существует” плохо грамматически или весьма плохо синтаксически. Все это объясняет два тысячелетия глупых разговоров о “существовании”, начатых еще в “Теэтете” Платона» [5, с. 345–346].

Однако подобное решение сталкивается с тем очевидным возражением, что единичные экзистенциальные высказывания с именами собственными вовсе не относятся носителями языка к числу грамматически некорректных. При этом не стоит забывать о том, что синтаксис как раздел лингвистики представляет собой *эмпирическую науку*, в которой отчеты о лингвистических интуициях носителей языка выступают *эмпирическим базисом*, тогда как синтаксические построения теоретиков призваны *описывать*, а не *предписывать* эти интуиции носителям языка.

Разумно осознавая границы своих возможностей в деле совершенствования естественного языка, Рассел был вынужден перейти к своего рода теории ошибки – теории, утверждающей, что поверхностная структура высказываний не всегда соответствует тому, что в действительности (возможно, даже не осознавая этого) подразумевает говорящий. В случае единичных экзистенциальных высказываний речь идет о том, что «имена естественного языка на самом деле являются скрытыми дескрипциями» [3, с. 113].

В таком случае условием истинности высказывания «Ларс фон Триер существует» (а следовательно, и значением данного высказывания) является наличие в мире определенного положения дел, при котором множество первопорядковых свойств, неразрывно ассоциируемых с личностью Триера, реализовано неким объектом в актуальном мире. В свою очередь, условием истинности высказывания «Шерлок Холмс не существует» (и, соответственно, значением такого высказывания) также является наличие в мире определенного положения дел, при котором множество первопорядковых свойств, неразрывно ассоциируемых с Шерлоком Холмсом, не реализовано ни одним объектом в актуальном мире.

Что важно, в обоих случаях речь идет о реализованности или нереализованности *свойств*, а не о существовании или несуществовании *индивидов*. Именно к свойствам в такой формулировке условий истинности осуществляется референция, тогда как индивидам здесь соответствуют лишь переменные, пробегающие по предметной области актуального мира. Тем самым удается избежать как необходимости предъявления несуществующего объекта референции для единичного экзистенциального суждения, так и возможности парадоксального экзистенциального обобщения такого суждения. Аналог обобщения в данном случае будет выглядеть следующим образом: «Существует *набор свойств*, неразрывно ассоциируемый с Шерлоком Холмсом, который не реализован», что вовсе не противоречиво.

Рассел по праву гордился достигнутым результатом, позволяющим демонстрировать возможности мощного и плодотворного метода логического анализа. Однако отдавая должное элегантности расселианского анализа, не стоит умалять ту цену, которую Рассел предлагает нам заплатить за решение указанного парадокса.

Первое возражение в отношении расселианского анализа заключается в следующем. Гипотеза о том, что в мире имеется, по-видимому, бесконечное множество наборов нереализованных свойств (или их сочетаний), хотя и много лучше тезиса о наличии несуществующих объектов, все же никак не может похвастаться экономностью и ясностью собственной онтологии. В этом отношении расселианский анализ может лишь в ограниченной перспективе рассматриваться как альтернатива мейнонгианству.

В то же время расхождения между позициями Мейнонга и Рассела никак нельзя назвать незначительными. Наиболее существенны здесь два аспекта: во-первых, различия в трактовке логической формы единичных

экзистенциальных высказываний, а во-вторых, категориальное различие между несуществующими индивидами и нереализованными свойствами. И все же, повторимся, существенной экономии онтологии расселианский анализ по сравнению с мейнонгианством в действительности не дает.

Уместно задаться вопросом, почему же так происходит. Что именно не позволяет достичь этой экономии? Почему вместо несуществующих индивидов в рамках расселианского анализа мы оказались вынуждены признать наличие нереализованных наборов свойств, которые, по сути, выполняют ту же функцию?

Ответ на поставленный выше вопрос заключается в указании той функции, которую выполняют как несуществующие индивиды в рамках мейнонгианства, так и нереализованные наборы свойств в рамках расселианского анализа. Речь идет о функции *нумерического различения* разнообразных несуществующих (нереализованных) сущностей. Ясно, что быть Шерлоком Холмсом – это не то же самое, что быть самым большим простым числом. При этом для того чтобы различить эти две сущности, чем бы они ни были, нам требуется, чтобы *было что различать*. Тем самым мы сталкиваемся со своеобразным аналогом экзистенциального обобщения, который в афористической форме может быть сформулирован как «No non-identity without entities»: если две сущности различны по своим свойствам, то они существуют.

Так, Шерлок Холмс – это детектив, тогда как самое большое простое число – это число. Причем определено верно, что Шерлок Холмс – это не число, а самое большое простое число не является детективом.

В той мере, в какой мы склонны полагать эти высказывания истинными, нам требуется, чтобы было *нечто в мире*, что делает их истинными, – то, что в аналитической метафизике принято называть *факторами истинности* (truthmakers). Именно эта потребность в факторах истинности для обширного класса высказываний, полагаемых нами истинными, и препятствует нам в достижении более экономной онтологии.

Однако не давая значимой экономии онтологии, расселианский анализ в то же время требует от нас заплатить довольно высокую цену за разрешение парадокса несуществующих индивидов. Кроме того, он сталкивается с рядом собственных затруднений. Совокупность двух этих факторов существенно снижает привлекательность данного подхода и повышает интерес к его конкурентам.

Основной составляющей той цены, которую расселианский анализ предлагает нам заплатить за элегантную трактовку единичных экзистенциальных высказываний, является отказ от наиболее простой и естест-

венной их интерпретации в качестве имеющих типичную субъектно-предикатную логическую форму. При этом, вообще говоря, столь серьезный шаг нуждается не только в обосновании (оно было приведено выше), но и в *объяснении*.

В самом деле, здесь мы имеем дело с частным случаем более общего явления, известного в аналитической философии как «теория ошибки»: если мы полагаем, что обнаружили, что в рамках тех или иных естественных языковых практик мы в действительности подразумеваем не то, что говорим на поверхностном уровне, то подобное явление нуждается не только в обосновании. Помимо обоснования требуется еще и объяснение: почему мы, подразумевая нечто одно, произносим вместо него нечто иное по форме? Что не позволяет нам говорить ровно то, что мы подразумеваем? Без такого объяснения наш анализ остается неполным. Более того, отсутствие какого-либо подобного объяснения косвенно служит против самого предлагаемого анализа.

Соответственно, без дополнительного анализа никак нельзя принять в качестве удовлетворительного такое объяснение, которое предполагает, что всякий раз, когда мы говорим: « N существует», мы подразумеваем: «Набор свойств, неразрывно ассоциированный с N , реализован неким объектом в актуальном мире». Сама структура синтаксиса естественного языка свидетельствует против расселианского анализа и в пользу основного его конкурента – мейнонгианства.

Второе возражение, выдвигаемое по отношению к расселианскому анализу, касается его трактовки логической связки «есть» в качестве единственной в своем роде. Так, если осуществить довольно простой шаг и провести различие двух логических связок – «есть» и «не есть», то нежелательный парадокс окажется заблокированным без каких-либо последствий для понятия существования. В самом деле, в свете таких идей становится ясно, что логическая форма высказывания «Шерлок Холмс не существует» не такова, что некоему субъекту приписывается экзотическое свойство несуществования. Куда более естественной является трактовка, согласно которой некоему субъекту *не* приписывается свойство существования. Однако в таком случае оказывается далеко не очевидной формальная корректность какого-либо экзистенциального обобщения. Напротив, сами примеры подобного рода показывают, что экзистенциальное обобщение в случае связки «не есть» не может быть признано корректным правилом логического вывода. Таким образом, вывод противоречивого суждения оказывается заблокирован, что позволяет сохранить за существованием статус обычного свойства.

Третье возражение в отношении расселианского анализа касается интерпретации квантора существования. Дело в том, что канон теоретико-модельной семантики для логики предикатов первого порядка сложился значительно позже, чем был разработан расселианский анализ, а потому явное несоответствие между ними в подходах к понятию существования, вообще говоря, неудивительно.

В рамках этого канона формула $\exists xP(x)$ интерпретируется в качестве истинной, если и только если в данной модели M для нашей единственной переменной x найдется такое означивание (оценка) v , что при этой оценке подкванторное выражение выполняется:

$$M, v \models P(x) \Leftrightarrow \text{найдется такое } v, \text{ что } t[M, v] \in P[M, v].$$

Модель, в свою очередь, представляет собой структуру, т.е. пару $\langle D, f \rangle$, где D – непустое множество индивидов, а f – функция интерпретации всех нелогических констант (т.е. индивидуальных, функциональных и предикатных констант).

Тем самым теоретико-модельный подход предполагает сопоставление между высказываниями (формулами, теориями) и моделями.

В этом контексте становится ясно, что теоретико-модельное понятие существования не может и не должно отождествляться с его метафизической трактовкой. Однако именно на таком смешении и держится весь критический запал расселианского подхода [7]. В частности, Рассел пишет: «Математика показывает, что всякий класс, который через отношения создает евклидово пространство, в то же время через другие наличествующие отношения порождает также все неевклидовы пространства. Тем не менее, из всего множества этих систем отношений, в актуальном мире есть *только одна система*, в которой составляющие ее отношения *существуют*» [4, с. 223].

Если же мы откажемся от такого смешения и последовательно проведем различие между существованием в модели и существованием в актуальном мире, то в таком случае интерпретация выражения $\exists x(\neg \text{Существует_в_актуальном_мире}(x))$ окажется легко выполнимой на широком классе моделей. В свою очередь, отказ признавать наличие других моделей для первопорядковой логики предикатов помимо актуального мира в сочетании с онтологически нагруженным прочтением всякой экзистенциальной квантификации влечет за собой нелепые следствия, подобные тем, на которые указывает П. Элбурн [10]. Так, суждение «Джон хочет, чтобы призрак, который живет у него на чердаке, рас-

пугал его назойливых гостей» в рамках расселианского анализа оказывается логически эквивалентным суждению «Джон хочет, чтобы *существовал* единственный призрак, который живет у него на чердаке, и чтобы этот призрак распугал его назойливых гостей», что попросту неверно.

С целью преодоления неоправданных онтологических обязательств, вытекающих из сугубо формальных выкладок с применением первопорядковой логики предикатов, исследователями был разработан инструментарий, не имеющий указанных недостатков. К числу таких инструментов в первую очередь относится класс так называемых свободных логик, различные версии которых были предложены К. Ламбертом [13; 14], Б. ван Фраассеном [11] и Я. Хинтиккой [12]. Подробный анализ такого рода исчислений и особенностей их приложения к анализу единичных экзистенциальных высказываний представлен В.В. Целищевым [9].

Мы же переходим к рассмотрению проблемы, наиболее критичной для расселианского анализа, в качестве которой выступает исходная нечеткость критериев того, какие именно свойства неразрывно ассоциированы с тем или иным существующим или несуществующим индивидом.

Ясно, что любые привходящие свойства, которыми мы пользуемся на практике для идентификации индивидов, для этих целей не подходят. Так, имя Ларса фон Триера, хотя и увязывается нами неразрывно с авторством таких кинофильмов, как «Догвилль», «Меланхолия» и «Нимфоманка», тем не менее не может быть отождествлено с этим авторством. Это так потому, что Триер мог и не снять всех этих шедевров и все же при этом остаться Триером. В то же время некий другой кинорежиссер мог бы снять по всем этим сценариям свои фильмы, но оттого не стал бы Триером (так, Томас Винтерберг снял фильм «Дорогая Венди» по сценарию Ларса фон Триера, причем Триер изначально собирался снимать этот фильм сам).

Помимо мысленных экспериментов с алетической модальностью на ту же нетождественность указывают схожие мысленные эксперименты с эпистемической модальностью. Так, нетрудно представить себе гипотетическую подругу Триера, которая, хорошо зная Триера лично, но при этом плохо зная современный кинематограф, и не подозревала бы, что ее друг Триер является режиссером указанных фильмов, поскольку никогда о них даже не слышала. Однако подобное было бы немислимо, если бы дескрипция «автор “Догвилля”, “Меланхолии” и “Нимфоманки”» непосредственно входила бы в смысл имени «Ларс фон Триер», а тождество такой дескрипции и данного имени представляло бы собой

аналитическое суждение, истинность которого очевидна всякому носителю языка.

Поэтому, пытаясь выявить те дескрипции, которые нами неявно ассоциируются с тем или иным именем собственным, мы вынуждены обратиться к менее очевидным вариантам, позволяющим избежать выдвинутых выше возражений.

Наша задача при этом состоит из двух частей. С одной стороны, мы хотим заменить имя собственное на эквивалентную определенную дескрипцию. Эта установка мотивируется тем обстоятельством, что в таком случае индивидуальное значение будет закреплено не за константой (именем), а за переменной (аргументом дескрипции), которую можно связать квантором существования. Тогда к получающейся в итоге формуле $\exists xP(x)$ уже более невозможно применить никакое экзистенциальное обобщение, что выгодно отличает ее в данном контексте от формулы Существует(а), поскольку, как было показано выше, экзистенциальное обобщение в этом случае чревато парадоксами.

С другой стороны, мы хотим, чтобы выбранная нами определенная дескрипция была полностью эквивалентна исходному имени. Это значит, что в любых контекстах и обстоятельствах замена имени на дескрипцию не должна оказывать никакого влияния на истинностное значение того или иного выражения, содержащего данное имя. В противном случае смысл выражения до и после замены будет различным, и мы окажемся не вправе утверждать, что формула, содержащая квантор и дескрипцию, выражает логическую форму исходного высказывания, содержащего имя собственное. Ведь, как уже отмечалось выше, особенность расселианского анализа в том и состоит, что он предполагает, что мы, произнося высказывание с одной формальной структурой (включающей имя собственное), выражаем тем самым суждение с совсем другой формальной структурой (включающей квантификацию и некую дескрипцию). Соответственно, такой анализ не может проходить в том случае, если на пути этой замены возникает хоть малейшее изменение смысла, поскольку в таком случае уже никак нельзя предполагать, что мы, говоря одно, подразумеваем другое. Ведь это будут попросту разные смыслы. Даже если бы подобное явление и имело место на практике, то речь пришлось бы вести уже не об экспликации логической формы исходного высказывания, а скорее об эффекте конвенциональной имплицатуры. Однако это вовсе не то, чего хочет добиться расселианский анализ. В рамках этого подхода предполагается *полное тождество смыслов* выражения с именем собственным и с определенной дескрипцией.

Выполнить одновременно обе представленные выше задачи оказывается непросто. Впрочем, путеводной нитью здесь становится понятие аналитичности. Замена имени на дескрипцию является эквивалентным преобразованием тогда и только тогда, когда суждение вида «<Имя> – это <Дескрипция>» является аналитическим, а его истинность может быть установлена без обращения к фактам актуального мира.

Что же это за дескрипции? Поскольку речь идет об аналитичности, то неудивительно, что класс их хотя и разнообразен, но включает в себя весьма сходные выражения, такие как «тот, кто тождественен Ларсу фон Триеру», «тот, кого в актуальном мире зовут Ларс фон Триер», «тот, кто в актуальном мире обладает свойством “быть Ларсом фон Триером”» и т.д.

Легко видеть, что все они выполняют первую из указанных выше задач. В таком случае выражение «Ларс фон Триер существует» в рамках расселианского анализа полагается эквивалентным одному из таких выражений, как «Существует тот, кто тождественен Ларсу фон Триеру», «Существует тот, кого в актуальном мире зовут Ларс фон Триер» или «Существует тот, кто в актуальном мире обладает свойством “быть Ларсом фон Триером”», а каждое из них, в свою очередь, может быть формализовано в виде $\exists xP(x)$, что позволяет избежать потенциально парадоксального экзистенциального обобщения.

Выполняют эти дескрипции и вторую задачу – задачу свободной замены имени на дескрипцию в любых контекстах без каких-либо последствий для истинностного значения высказывания. Ясно, что такая замена происходит во всех случаях алетической модальности, поскольку совершенно невозможно, чтобы Ларс фон Триер не был тем, кто тождественен Ларсу фон Триеру, или чтобы он не был тем, кого в актуальном мире зовут Ларс фон Триер, или же чтобы он не был тем, кто в актуальном мире обладает свойством «быть Ларсом фон Триером».

Схожим образом обстоит ситуация и в случае эпистемической модальности: невозможно, чтобы кто-либо не знал, что Ларс фон Триер тождественен Ларсу фон Триеру, или что Ларса фон Триера зовут Ларс фон Триер, или что Ларс фон Триер обладает свойством «быть Ларсом фон Триером»¹. В самом деле, чтобы установить истинность этих выска-

¹ Со второй опцией, впрочем, возникают некоторые сложности. Действительно, вполне мыслимо, чтобы некая девушка Хлоя, познакомившись в баре с Ларсом фон Триером, за весь вечер так и не узнала, что того зовут Ларс фон Триер. В таком случае высказывание «Хлоя не знает, что Ларс фон Триер (данный ей в опыте) – это тот, кого зовут Ларс фон Триер» получает возможное истинное прочтение. Вероятно, подобное обстоятельство может

званий, не требуется ничего знать о Ларсе фон Триере – ни того, что он выдающийся современный кинорежиссер, ни того, как он выглядит, ни того, чем замечательны его фильмы и каков их сюжет. Все эти высказывания, будучи аналитическими, не нуждаются для установления собственной истинности в обращении к каким-либо фактам актуального мира.

Таким образом, обе поставленные задачи выполнены. Однако вновь обращает на себя внимание вопрос цены. Дело в том, что в такой версии расселианский анализ сталкивается с весьма серьезными эпистемологическими затруднениями. В самом деле, оказываются не ясны условия применимости такого рода дескрипций к тем или иным индивидам. Что в точности означает «быть тождественным Ларсу фон Триеру»? Что означает «обладать свойством “быть Ларсом фон Триером”»?

На практике для ответа на данный вопрос мы прибегаем к тем самым критериям, которые выше были нами отвергнуты (быть автором определенных широко известных фильмов). Эти критерии позволяют нам идентифицировать объект, а затем при помощи непосредственного указания на него заполнить то место, которое в нашей дескрипции занимает имя собственное, т.е. провести еще одну замену: «быть тождественным Ларсу фон Триеру» заменяется на «быть тождественным вот этому (указывает на объект)». В свою очередь, «обладать свойством “быть Ларсом фон Триером”» заменяется на «обладать свойством “быть вот этим” (указывает на объект)».

Однако такое решение вторичной замены на дескрипцию, использующую прямое указание, возможно только в случае *существующих* индивидов, данных нам в опыте или по крайней мере позволяющих осуществлять референцию на основании каузальности. Если же мы ведем речь о Шерлоке Холмсе, то такой возможности у нас нет. Мы не можем на него указать, присовокупив к этому указанию дескрипцию «быть тождественным вот этому». А раз так, то мы сталкиваемся с *проблемой познания* того, что значит быть тождественным Шерлоку Холмсу.

При этом никакие отсылки к наиболее очевидным дескрипциям здесь не спасают: чтобы быть Шерлоком Холмсом, недостаточно жить во второй половине XIX в. в Лондоне по определенному адресу и быть детективом. Эти условия мог бы выполнять и некий индивид в актуаль-

служить доводом против того, что данный тип дескрипций удовлетворяет нашим требованиям. Однако в том случае, если имена собственные являются жесткими десигнаторами, то и в мирах докстических альтернатив Хлои данный ей в опыте индивид окажется значением имени Ларс фон Триер, а потому никакого разотождествления Ларса фон Триера и того, кого зовут Ларс фон Триер, здесь не происходит.

ном мире, но едва ли мы бы согласились, что произнося имя «Шерлок Холмс», мы подразумеваем действительно его.

Недостаточно и быть главным героем цикла произведений Артура Конан Дойля о похождениях лондонского сыщика, проживавшего на Бейкер-стрит. Ведь даже когда, как нам кажется, мы сформулировали максимально точную определенную дескрипцию, у нас не может быть уверенности в том, что мы точно ухватили и выразили желаемое значение. Всегда остается возможность усомниться: точно ли «быть тождественным Шерлоку Холмсу» означает именно это? Да и о каком желаемом значении мы ведем речь? Можем ли мы вообще быть уверены в том, что знаем, о чем говорим? Можем ли мы быть уверены в том, что имеем в виду какой-то определенный объект?

Подводя некоторые итоги, напомним, что нашей задачей было показать, что расселианский анализ хотя и ориентирован в направлении более дружественной номинализму теории существования, а также теории логической формы единичных экзистенциальных высказываний, тем не менее не дает никакой значимой экономии онтологии по сравнению с, на первый взгляд, дружественным платонизму мейнонгианством, а также в наиболее жизнеспособной своей версии сталкивается с эпистемологическими затруднениями, сходными по своему характеру с теми, с которыми вынужден иметь дело платонизм.

Тем самым расселианский анализ хотя и не может быть признан опровергнутым, но может быть признан привлекательным в не большей степени, чем некоторые конкурирующие с ним подходы (в частности, мейнонгианство). Такого рода результат, вообще говоря, нетривиален, поскольку расселианский анализ изначально позиционировал себя в качестве *значительно* более привлекательного подхода, позволяющего без каких-либо существенных издержек решить те проблемы, с которыми сталкивается мейнонгианство. Таким образом, подобный оптимизм расселианского анализа со всей определенностью может быть признан необоснованным.

Литература

1. *Вострикова В.В.* Семантика определенных дескрипций: новые перспективы // Эпистемология и философия науки. – 2014. – № 3. – С. 239–246.
2. *Кусий П.С.* Имена, дескрипции и проблема жесткой десигнации // Эпистемология и философия науки. – 2008. – № 2. – С. 103–118.

3. *Ледников Е.Е.* Существование и индивидуальные дескрипции // Логические исследования: Ежегодник. – 2002. – № 9. – С. 113–119.
4. *Переписка* Бертрانا Рассела и Алехснуса Майнонга / Пер. с нем. и вступ. ст. В. Селиверстова и О. Попик // Эпистемология и философия науки. – 2013. – № 2. – С. 219–223.
5. *Рассел Б.* История западной философии: В 2 т. – М.: Миф, 1993. – Т. 2.
6. *Рассел Б.* Философия логического атомизма. – Томск: Водолей, 1999.
7. *Самченко В.Н.* «Бытие» Парменида и логика существования // Философия науки. – 2007. – № 1 (32). – С. 3–15.
8. *Филпповский В.А.* Понятие существования в формальных языках // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. – 2012. – № 1. – С. 25–32.
9. *Целищев В.В.* Логика существования. – М.: КРАСАНД, 2018.
10. *Elbourne P.* Definite Descriptions. – Oxford: Oxford University Press, 2014.
11. *Fraassen B., van.* Singular Terms, Truth-Value Gaps and Free Logic // Journal of Philosophy. – 1966. – Vol. 63. – P. 481–495.
12. *Hintikka J.* Existential Presuppositions and Their Elimination // Hintikka J. Models for Modalities. Dordrecht: D. Reidel, 1969. – P. 23–44.
13. *Lambert K.* Free Logic and Concept of Existence // Notre Dame Journal of Formal Logic. – 1967. – Vol. 8, No. 1–2. – P. 133–144.
14. *Lambert K., Fraassen B., van.* Derivation and Counterexample: An Introduction to Philosophical Logic. – Dickenson Pub. Co, 1972.

References

1. *Vostrikova V.V.* Semantika opredelennykh deskriptsii: novye perspektivy [Semantics of Definite Descriptions: New Perspectives] // Epistemology & Philosophy of Science. 2014. No. 3. P. 239–246. (In Russ)
2. *Kuslii P.S.* Imena, deskriptsii i problema zhestkoi designatsii [Names, descriptions and the problem of rigid designators] // Epistemology & Philosophy of Science. 2008. No. 2. P. 103–118. (In Russ)
3. *Lednikov E.E.* Sushchestvovanie i individnye deskriptsii [Existence and Individual Descriptions] // Logicheskie issledovaniya: ezhegodnik [Logical Investigations: Yearbook]. 2002. No. 9. P. 113–119. (In Russ)
4. *Perepiska* Bertrana Rassela i Aleksiusa Mainonga [Correspondence between Bertrand Russell and Alexius Meinong] // Epistemology & Philosophy of Science. 2013. No. 2. P. 219–223. (In Russ)
5. *Russell B.* Istoriya zapadnoi filosofii [A History of Western Philosophy]. Vol. 2. Moscow: Mif, 1993. (In Russ)
6. *Russell B.* Filosofiya logicheskogo atomizma [The Philosophy of Logical Atomism]. Tomsk: Vodolei, 1999. (In Russ)
7. *Samchenko V.N.* «Bytie» Parmenida i logika sushchestvovaniya [Parmenides' «Being» and the logic of existence] // Filosofiya nauki [Philosophy of Science]. 2007. No. 1. P. 3–15. (In Russ)
8. *Filippovskii V.A.* Ponyatie sushchestvovaniya v formal'nykh yazykakh [The concept of existence in formal languages] // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennyye nauki [News of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences]. 2012. No. 1. P. 25–32. (In Russ)

9. *Tselishchev V.V.* Logika sushchestvovaniya [The Logic of Existence]. Moscow: KRASSAND, 2018. (In Russ)
10. *Elbourne P.* Definite Descriptions. Oxford: Oxford University Press, 2014.
11. *Fraasen van B.* Singular Terms, Truth-Value Gaps and Free Logic // Journal of Philosophy. 1966. Vol. 63. P. 481–495.
12. *Hintikka J.* Existential Presuppositions and Their Elimination / Hintikka J. Models for Modalities. Dordrecht: D. Reidel, 1969, p. 23–44.
13. *Lambert K.* Free Logic and Concept of Existence // Notre Dame Journal of Formal Logic. 1967. Vol. 8. No. 1-2. P. 133–144.
14. *Lambert K., van Fraasen B.* Derivation and Counterexample: An Introduction to Philosophical Logic. Dickenson Pub. Co, 1972.

Информация об авторе

Фролов Константин Геннадьевич – Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», доцент кафедры философии, к. филос. н. (ул. Попова, д. 5, 197376, Санкт-Петербург, Россия); Институт философии СПбГУ (Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия).

kgfrolov@etu.ru

Information about the author

Frolov Konstantin Gennadievich – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor at the Chair of Philosophy, St. Petersburg State Electrotechnical University (5, Popova st., St. Petersburg, 197376, Russia); Senior Researcher at the Institute of Philosophy, St. Petersburg State University (5, Mendeleev Line, St. Petersburg, 199034, Russia).

kgfrolov@etu.ru

Дата поступления 16.03.2020